

УДК 930.2

ЕЩЕ РАЗ О ЯЗЫКЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2015 Г.М. Ипполитов

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г.Самара

Поступила в редакцию 02.03.2015

В статье представлено авторское дискуссионное видение некоторых методологических аспектов проблемы языка исторических исследований. Проблемы, не обделенной вниманием философов, историков, филологов, культурологов. Проблемы, по-прежнему имеющей высокий исследовательский потенциал.

Ключевые слова: феномен языка, история, литература, исторический дискурс, текст, исторический лексикон, Н.М. Карамзин, В.С. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Н. Полторак, В.А. Золотарев.

Мудрено пишут только о том, чего не понимают...

В.О. Ключевский¹

Главное достоинство научного языка – ясность.

Д.С. Лихачев²

Мысли великих ученых-гуманитариев, приведенные в качестве эпиграфов к настоящей статье, показывают, что проблема языка исторических исследований – одна из тех проблем, которые всегда будут проходить по разряду актуальных. Даже при том, что она далеко не новая. Ей посвящено определенное количество работ философского³, культурологического⁴ и филологического⁵ характера. Анализируется она и в специальных исторических исследованиях (с той или иной степенью подробности)⁶. Имеются работы, где рассматриваемая проблема излагается опосредованно, фрагментарно⁷. Не обошли ее вниманием и авторы различных учебных изданий по теории и методологии исторической науки⁸. Характерно и то, что проблема языка историка и исторических исследований анализируется с позиций междисциплинарного подхода⁹.

Думается, что изложенное выше объясняет, почему автор в заглавии своей статьи употребил словосочетание «еще раз».

Между тем то обстоятельство, что проблеме языка историка уделяется пристальное внимание исследователей, никоим образом не означает, будто бы исчерпан ее научно-исследовательский потенциал. Более того, он усиливается тем обстоятельством, что тема, означенная выше, входит в научно-исследовательское поле теории методологии истории – составной части всего

методологического научно-исследовательского поля, важность которого отрицать не представляется возможным¹⁰. Но теория и методология истории еще и, как известно, – вечно зеленое древо. И здесь ученые априори обрекают себя на огонь критики. Причем по ним часто стреляют из стволов тяжелой артиллерии крупного калибра. А ответить на убийственный огонь порою трудно. Ведь теория и методология истории – такая область научных знаний, где нет до сих пор устоявшихся дефиниций, четко обозначенных законов (подобно, например, философскому закону диалектического синтеза).

Замысел данной статьи вынашивался не менее двух лет. Он все время актуализировался после анализа степени усвоения студентами учебного материала по курсу «Наука истории: методология и методы научного исследования»¹¹. Но когда я, рецензируя одну из рукописей кандидатской диссертации, прочитал, что некий руководитель государственного учреждения *по умолчанию* (!!) возглавлял еще одну организацию¹², то пришло понимание: надо срочно наращивать усилия и темпы в подготовке этой статьи. Вот и родился материал, который выносится на суд научного сообщества. Он изложен в дискуссионном ключе. Разумеется, освещены только некоторые аспекты столь многоаспектной проблемы, коей безапелляционно является проблема языка исторических исследований. При этом необходимо особенно подчеркнуть то, что повышенное внимание к ней выглядит обоснованным по крайней мере по следующим основаниям:

во-первых, значимость феномена языка вообще. Известно, что язык (с общепhilosophической точки зрения) – «первичная, наиболее естествен-

*Ипполитов Георгий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории Российской академии наук, профессор кафедры филологии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики, г.Самара.
E-mail: gippolitov@rambler.ru*

ная и общедоступная репрезентация мира»¹⁵. Не случайно же немецкий философ-идеалист А. Шопенгауэр (1788-1860) полагал, что язык – способ передачи мысли¹⁴. Но язык – нечто большее, чем система передачи мыслей. Он, по мнению американского лингвиста и антрополога Э. Сепира (1884-1939), представляет собой «невидимые покровы, облекающие наш дух и придающие предопределенную форму всяческому его символическому выражению»¹⁵. Нельзя не учитывать и небезынтересного мнения швейцарского ученого Ф. де Соссюра (1857-1913), заложившего основы семиологии и структурной лингвистики. Он считал, что язык служит своеобразным посредником между мышлением и звуком, соединяя их. «Язык можно также сравнить с листом бумаги: мысль – его лицевая сторона, а звук – оборотная; нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезая и обратную»¹⁶. Но отдельной констатации здесь заслуживает следующее обстоятельство: есть мнение, что исторический процесс находит свое отражение в языке. Именно благодаря ему история человечества, собственно говоря, состоялась и продолжается. Можно, конечно, спорить в данной связи с немецким философом, просветителем и религиозным деятелем И.Г. Гердером (1744-1803), но трудно в конечном итоге с ним не согласиться, когда прочитаешь эти строки: «Не лира Амфиона воздвигла города, не волшебная палочка превратила пустыни в сады – все это сделал язык»¹⁷;

во-вторых, наука как особый вид познавательной деятельности, нацеленный на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире, требующая своего языка для оформления получаемых научных результатов. Поэтому здесь господствует одна из разновидностей функционального стиля¹⁸ – научный стиль, который предназначен для передачи научной информации в подготовленной и заинтересованной аудитории. Ему присущи некоторые общие черты, общие условия функционирования и языковых особенностей, проявляющихся независимо от характера наук (естественные, точные, гуманитарные) и жанровых различий (монография, научная статья, доклад, учебники пр.). И это дает основания говорить о специфике научного стиля в целом, а именно: 1) предварительное обдумывание высказывания; 2) монологический характер высказывания; 3) строгий отбор языковых средств; 4) тяготение к нормированной речи¹⁹. Здесь нельзя не вспомнить и о взглядах на стиль научного мышления польского ученого Л. Флека (1896-1961). По его суждению, стиль научного мышления – «готовность к направленному восприятию и соответствующему пониманию того, что воспринято»²⁰.

Ясно, что два обстоятельства, изложенных выше, выступают в роли своего рода базовых, общеметодологических.

Между тем относительно же именно языка историка и, соответственно, исторических исследований о многом заставляет задуматься такая максима немецкого философа - экзистенциалиста М. Хайдеггера: «Язык есть дом бытия и жилище человеческого существа»²¹. Срок же существования «дома бытия и жилища человеческого существа» исчисляется тысячелетиями. И язык историка на этом длинном пути своего развития, усеянного и розами, и терниями, претерпевал серьезные и значительные трансформации. Трансформации, которые касались внутри языка историка и исторических исследований строгости изложения научной мысли и отточенных блестящих художественных форм их преподнесения; железной логики фактов и эмоциональных обобщений. Все это порождалось обстоятельствами, детерминирующими уникальную специфику науки истории:

во-первых, множество общих черт у исторической науки с художественной литературой (особенно с ее нарративной формой). Напомним, что вплоть до эпохи позднего Просвещения история обычно воспринималась как литературный жанр. Жанр морализаторский, позволяющий извлекать нравственные уроки из деяний предков. А точность репродуцирования исторических явлений, событий, фактов уходила на задний план. И только в XIX в. история стала рассматриваться в качестве академической дисциплины. Причем постепенно в европейской интеллектуальной традиции она завоевала репутацию парадигмальной науки о человеке. Ее важнейшей функцией было производство достоверных знаний о прошлом как историческом опыте и формирование на этой основе исторического сознания как способа приобщения к традиции²². В то же время история по-прежнему оставалась и остается литературным жанром. Не случайно же современный отечественный философ А.В. Гулыга (1921-1996) считал, что постижение истории «предполагает сопереживание и эстетическое отношение к прошлому»²³. Действительно, ведь когда историография исследуемой темы проанализирована, источники изучены, историк приступает к написанию труда – к сведению воедино собранного материала и, что самое важное, – его литературной шлифовке (заметим, что в данной стадии работы есть своя прелесть. Не случайно же немецкий философ, социолог, экономист, политический журналист, общественный деятель К. Маркс (1818-1883) писал в одном из писем своему единомышленнику и соавтору Ф. Энгельсу о том, что «приятно вылизывать дитя после столь длительных родовых мук»²⁴). Но в то же время вряд ли стоит доказывать доказанное: историческая наука, будучи схожей с художественной литературой, одновременно отличается от нее;

во-вторых, глубинная диалектика, имеющая место сегодня в отношениях между историей

и литературой. С одной стороны, историческое произведение – литературный текст, который имеет литературно выстроенный сюжет; с другой стороны, историческое произведение – научный текст. Следовательно, внутри него нет места недостоверным фактам. Он должен отличаться систематизированностью, жесткой логикой, убедительностью аргументации, обоснованностью суждений, выводов, обобщений. Авторам любой литературной прозы (а прозы исторических жанров в особенности) также не следует пренебрегать знанием детализированного исторического материала. На это обращал внимание, в частности, британский философ-неогегельянец и историк, специалист по древней истории Британии Р.Дж. Коллингвуд (1889-1943). Он считал, что в художественно-исторической основе заложено «проигрывание» процесса мысли с целью погружения в опыт прошлого и тем самым оживления ее в новом историческом контексте. По мнению ученого, исторический процесс сам по себе есть «процесс мысли, и он существует лишь в той мере, в какой сознание, участвующее в нем, осознает себя его частью»²⁵. Отсюда, по Коллингвуду, происходит слияние свойств искусства и науки, что образует «нечто третье»: история предстает как форма сознания, как самоопределяющаяся форма мысли²⁶. По моему разумению, авторам любой литературной прозы (а прозы исторических жанров в особенности) не следует пренебрегать знанием детализированного исторического материала даже и в тот момент, когда, как писала одна из известнейших русских поэтесс XX века, писатель, литературовед, литературный критик, переводчик А.А. Ахматова (1889-1966), «просто продиктованные строчки ложатся в белоснежную тетрадь»²⁷. При этом здесь остается незыблемым право писателя на вымысел. Об этом с большой убедительностью и экспрессией писал классик советской литературы К.Г. Паустовский (1892-1968): «... факт, поданный литературно, с опусканием ненужных деталей и со сгущением некоторых характерных черт, освещенных слабым сиянием вымысла, вскрывает сущность вещей во сто крат

ярче и доступней, чем правдивый и до мелочей точный протокол»²⁸. Между тем и ученый-историк должен владеть соответствующими литературными приемами²⁹. И лучший хрестоматийный пример здесь – творчество патриархов отечественной историографии Н.М. Карамзина (1766-1826), С.М. Соловьева (1820-1889), В.О. Ключевского (1841-1911). Они были воистину блестящими мастерами русского литературного слова, которым научно излагали историю Державы Российской³⁰;

в-третьих, особенная структура языка историка. По мнению некоторых исследователей, у исторической науки нет своего языка. Более 90% лексики в историческом произведении – общелитературный язык (цифра, конечно, дискуссионная. – Г.И.), и лишь несколько процентов – специальные исторические понятия и термины³¹, которые, невзирая на их небольшое количество, в языке историка принципиально важны, так как играют в изложении ведущую роль и «наподобие скелета, образуют теоретическую конструкцию картины исторической действительности»³²;

в-четвертых, диалектика общелитературных требований к сочинению текста и особенностей лексики исторического языка (см. табл. 1).

Если раскрывать все эти требования, то придется писать еще одну статью. Поэтому ограничимся лишь несколькими общими замечаниями:

а) для успешного поиска нужного слова необходимо: полно владеть предметом своего исследования; уметь оперировать синонимами; психологически быть готовым к тому, что данный процесс является исключительно тяжелым, трудоемким и затратным по времени. Неслучайно германский промышленник В. Ратенау (1867-1922) писал в одном из писем: «...целыми неделями просиживаю за письменным столом и целыми неделями – ни строчки»³³;

б) следует избегать построения тяжелых предложений. Фраза должна логично, легко и незаметно перерастать в следующую – не только без разделительных рвов, но и без швов, на которых фиксируется внимание;

с) необходимо предложения группировать

Таблица 1. Общелитературные требования к сочинению текста и особенности лексики исторического языка

Общелитературные требования к сочинению текста	Особенности лексики исторического языка
Поиск нужного слова	Историзм языка
Гармоничность фраз	Старая, новая, заимствованная лексика
Динамичность и краткость изложения	Цитирование и пересказ источников
	Понятия и термины

Источники: Поляков Ю.А. О литературном мастерстве историка...; Смоленский Н.И. Понятие и слово в языке историка...; Биск И.Я. Введение в писательское мастерство историка: Литературная форма исторического труда...; Егоров М.С. Методология истории. Курс лекций...; Демидова А.К. Пособие по русскому языку. Научный стиль. Оформление научной работы...; Бобкова М.С. Терминологический инструментарий исторической науки: к постановке проблемы...

в абзацы, продуманное членение на которые радикально улучшает текст;

д) желательно помнить всегда, что хорошая фраза эстетична по форме и звучанию, поэтична и музыкальна. Как афористично записал в свое время в своем дневнике знаменитый французский писатель Ж. Ренар (1823-1892): «Проза должна быть стихом, не разбитым на строчки»³⁴;

е) исходить из того, что качественность произведения зависит не только от обилия новых мыслей и наращиваемой информации, но и от динамичности;

ф) базисное для профессионального историка положение о том, что, повествуя о людях прошлого теперь, исследователь должен себе представлять, как они жили тогда, в полной мере относится и к языку. Заимствуя слово из источников, историк должен представлять себе его реальное содержание (наполнение) в исследуемую эпоху. Как говорил британский государственный деятель, историк, поэт и прозаик викторианской эпохи Т.К. Маколей (1800-1859), историк должен показать своих героев «со всеми их особенностями языка, нравов, одежды; провести нас по их жилищам, посадить с ними за стол, обшарить их старомодные гардеробы, объяснить нам употребление их тяжеловесной домашней утвари»³⁵. Однако надо помнить всегда, что устаревшая лексика включает слова-историзмы и слова-архаизмы. Злоупотреблять ими исследователю нельзя;

г) представляется целесообразным употреблять слова иностранного происхождения лишь только при отсутствии адекватных русских, для специальных, научных и иных целей. Уместно здесь напомнить позицию основоположника Советского государства, одной из знаковых фигур в истории нашего Отечества В.И. Ленина (1870-1924): «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно...»³⁶. Стремясь к повышению читабельности и убедительности своего труда, цитируя и по-иному используя с этой целью источники, в том числе художественную литературу, историк должен помнить следующее: они обладают неодинаковой степенью доходчивости и воспринимаются читателем по-разному. С точки зрения эмоциональности, столь важной для популярности исторического труда, сухие статистические и яркие мемуарные свидетельства – антиподы³⁷. Поэтому, с моей точки зрения, следует прислушаться к рекомендации И. Биска. Ученый полагает, что эффективно и даже эффектно сочетание, расшифровка сухих статистических данных при помощи ярких мемуарных свидетельств. Так, сухие статистические данные гласят, что во время инфляции в Германии в 1923 году один доллар стоил: 2 января – 7260 марок, 1 декабря – 4,2 биллиона марок; мемуаристы же сообщают, что к концу года марки использовались

для оклейки стен, в качестве оберточной бумаги и для прочих хозяйственных нужд³⁸.

в-пятых, терминологические последствия усиления интереса к какому-либо историческому явлению или процессу. С одной стороны, увеличение потока исследований по какой-либо теме уточняет понятия и категории, обозначающие данное явление. С другой стороны, в том же темпе происходит некое размывание этих понятий, так как высказываются разные точки зрения, выдвигаются различные гипотезы, предлагаются подчас несовместимые решения назревших проблем³⁹. Одним словом, налицо не только двоякость, но и множественность толкования различных терминов, что не может не вызвать затруднений. Например, И.П. Вейнберг справедливо посчитал, что если одно и то же явление именуется «историей», «историографией», «историческим интересом», «идеей истории», «историописанием» и т.д., то такое терминологическое многоголосье «порождает дополнительные «шумы» в без того перегруженных каналах современного человека. Кроме того, терминологическая пестрота, вероятно, свидетельствует о нечеткости, неопределенности в понимании самого обозначаемого явления. Поэтому уточнение категориального аппарата, терминологическая ясность и точность являются важными предпосылками не только для определения предмета разговора, но также для того, чтобы разговор состоялся»⁴⁰. Данное обстоятельство является важным и в той связи, что историки, по мнению современного британского ученого П. Берка, работая в смежных областях, используют термины этих наук, в связи с чем возникает возможность различной интерпретации одного и того же термина (например, таких как «культура», «повседневность», «народная культура» и др.)⁴¹. Думается, что историку вообще следует осторожно подходить к отбору понятийно-категориального аппарата. Как тут не вспомнить чеканную максиму академика Д.С. Лихачева (1906-1999), олицетворяющего ум, честь и совесть отечественной интеллигенции, при жизни ставшего классиком отечественной культуры XX в. «...слово в научном языке всегда термин»⁴²;

в-шестых, особенное обострение проблемы языка исторического исследования сегодня сильно обусловлено так называемым постмодернистским вызовом, брошенным исторической науке на стыке XX и XXI веков⁴³. Его суть четко сформулировал, по моей оценке, современный исследователь А. Фелюшкин: «Объектом атаки постмодернистов стали принципы получения информации об исторической реальности. Они утверждали, что между свершившимся событием и рассказом историка об этом событии стоит огромная дистанция, в ходе преодоления которой происходит такое искажение прошлого, что о его адекватном отражении вообще нельзя говорить.

Исторический факт отражается в письменном источнике – нарративе, где он уже искажен из-за разной степени осведомленности автора текста, его субъективности и тенденциозности, наконец, из-за его преднамеренной лжи или искреннего заблуждения. Чем дальше отстоит само событие от его отражения в нарративе (например, в средневековье большинство хроник отделено от описываемых в них событий на несколько десятков, а то и сотен лет), тем выше степень погрешности данного отражения»⁴⁴. И в такой ситуации язык у постмодернистов выступает, по мнению Л.П. Репиной, с которым я солидаризируюсь, *не средством отражения и коммуникации, а «главным смыслообразующим фактором, детерминирующим мышление и поведение»*⁴⁵. При этом необходимо особенно подчеркнуть обстоятельство принципиального характера: текст и его интерпретация возводятся сторонниками постмодернизма чуть ли не в сакральную величину. Это видно, к примеру, из ряда утверждений голландского философа-постмодерниста Р.Ф. Анкерсмита:

– «мы больше не имеем каких бы то ни было текстов, какого бы то ни было прошлого, но только их интерпретации»⁴⁶;

– «вся история, вся ее драма, ее трагедии, триумфы и величие, таким образом, загоняется в тесные рамки того, как она интерпретировалась на протяжении веков на языке историков. Нам остается теперь только язык, только язык историков – вот мир, в котором мы действуем, и вне его ничего нет»⁴⁷;

– «для модерниста свидетельство – это плитка, которую он поднимает, чтобы увидеть, что находится под ней, постмодернист же, напротив, ступает на плитку, чтобы пойти дальше по другим плиткам: горизонтальный метод вместо вертикального»⁴⁸.

Причем подобная сакрализация текста в постмодернизме сопровождается, по тонкому замечанию А.И. Патрушева, загадочными письменами и непонятным жаргоном, вызывающими обоснованные подозрения, что это – дымовая завеса, чтобы скрыть отсутствие содержания. «Историков окружили носители двух новых языков, которые многим просто непонятны, идет ли речь о бездушных математических и алгебраических формулах клиометристов или о жаргоне постмодернистов и деконструктивистов, который часто сбивает с толку»⁴⁹.

Ясно, что можно по-разному относиться к постмодернистским концептуальным построениям. Не станем увлекаться раскрытием их сущности и содержания, так как это выходит за рамки предмета исследования настоящей статьи. В порядке справки приведу, однако, общие личностные замечания:

1) солидаризируюсь с мнением выдающегося отечественного философа, культуролога, писа-

теля, эссеиста Г.С. Померанца (1918-2013) о том, что у постмодернистов в их исторических представлениях господствует «незнание и нежелание знать, куда движется человеческое общество»⁵⁰;

2) мое личностное отношение к постмодернистским концептуальным построениям в современной методологии истории в целом можно выразить так: осторожный, взвешенный, критический подход, исключающий элементы нигилизма – Г. И.

Поэтому не надо отрицать очевидного: сегодня постмодернистские концептуальные построения в методологии отечественной исторической науки существуют⁵¹. Правда, есть и такое мнение: сколько-нибудь влиятельного постмодернистского крыла в современной российской историографии не сложилось⁵². Лично я его поддерживаю. Точно так же, как и позицию современного исследователя Г.И. Зверевой. Ученый справедливо считает, что постмодернисты, критикуя своих предшественников, так и не смогли создать яркие образцы конкретно-исторических исследований по тематике своих идейных оппонентов – историков-традиционалистов. Постмодернисты занимаются темами, какие в традиционном историческом знании, как правило, не было принято обсуждать. Их работы тесно смыкаются с литературоведением. Они носят в значительной мере элитарный характер и ближе к литературным произведениям, чем к традиционным историографическим жанрам, поэтому не могут составить реальную конкуренцию последним⁵³.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, констатируем, что требования к тексту исторического исследования усложняются как у сторонников постмодернизма в методологии истории, так и у их оппонентов – сторонников традиционных методологических подходов.

Анализируя рассматриваемую проблему, следует иметь в виду то, что налицо разнообразие жанров исторических трудов, классификация которых отличается дискуссионностью. Например, четырехчленная классификация форм исторических трудов, введенная в научный оборот знаменитым немецким историком И.Г. Дройзеном (1808-1884) – 1) изыскание; 2) повествование; 3) поучение; 4) полемика – была подвергнута критике А.В. Гульгой. Но сам философ при этом не предложил своего варианта⁵⁴. Мне представляется наиболее приемлемой классификация жанров исторических трудов, предложенная современным польским историком Б. Мишкевичем: 1) энциклопедии; 2) словари; 3) библиографии; 4) учебники; 5) монографии; 6) трактаты-исследования; 7) статьи; 8) рецензии; 9) источниковые публикации⁵⁵. Понятно, что и такая классификация не носит универсальный характер. К ней можно, к примеру, добавить, по моему суждению, еще и 1) крупные

обобщающие труды; 2) исторические очерки; 3) научные доклады и сообщения; 4) тезисы выступлений на научных форумах; 5) диссертационные исследования и их авторефераты и пр. Плюс к этому имеются еще 1) научно-популярные; 2) научно-художественные; 3) научно-публицистические работы исторического характера; а также и историческая эссеистика. Но точно ясно только одно: каждый из подобных трудов имеет свои языковые особенности, стиль изложения материала.

Наиболее сложный аспект проблемы языка исторического исследования – сочетание в его архитектонике литературно-художественных фрагментов и сюжетов с фрагментами и сюжетами, выдержанными в строго научном стиле. Но сразу оговоримся: перед авторами диссертационных исследований эта проблема не стоит, так как научно-квалификационная работа должна быть написана строгим научным языком⁵⁶. Думается, что вряд ли она является острой и для авторов научно-справочных изданий, публикаторов исторических документов. Не столь острой проблема языка исторического исследования является и для ученых, выполняющих работы по теории и методологии исторической науки. Они адресуются в первую очередь специалистам, а не широкой читательской аудитории. Поэтому академическая строгость здесь выглядит вполне гармонично.

А вот для тех, кто разрабатывает монографии, статьи, доклады и сообщения для научных форумов по конкретно-исторической проблематике, проблема, указанная выше, является исключительно сложной. Ведь такие работы доступны широкому кругу читателей. Особенно же проблема языка исторических исследований становится до предела обостренной для тех ученых, которые выносят на суд научного сообщества исследования исторических персоналий, так как здесь возникает своя уникальная специфика⁵⁷.

Относительно всевозможных учебников и учебных пособий, которые по четкой характеристике отечественного исследователя И. Биска, «по уровню необходимой эмоциональности и яркости занимают, видимо, срединное положение между теоретико-методологическими и конкретно-историческими исследованиями»⁵⁸, заметим следующее: здесь проблема языка историка также довольно сложна. Все тот же И. Биск, например, выдвигает некоторые приоритетные требования (рекомендации) к этой жанровой группе исторических произведений: 1) доступность; 2) относительная краткость фраз; 3) использование источников личного происхождения, особенно мемуаров; 4) минимальное количество плохо запоминающихся и нередко нуждающихся в комментировании цифр; 5) четкость дефиниций; 6) по возможности – приближенное к устному рассказу изложение (подчеркнуто мною. – Г.И.)⁵⁹.

Ясно, что такие требования одним сухим академическим языком выполнить невозможно. Нет, конечно, можно написать учебное пособие в сухом академическом ключе, но кто его будет читать? Спрашивается, на какой странице школьник или студент заснет?

Выглядит аксиоматичным то, что в монографии, статье, докладе, сообщении при достижении гармонии между литературно-художественными и научными началами в их текстах приоритет должен отдаваться второму. Это хорошо заметил академик Д.С. Лихачев: «Метафоры и разные образы в языке научной работы допустимы только в случаях необходимости поставить логический акцент на какой-нибудь мысли. В научной работе образность – только педагогический прием привлечения внимания читателя к основной мысли работы»⁶⁰. Вряд ли стоит пытаться опровергать маститого академика.

Но тут у исследователя возникает соблазн: пойти по линии наименьшего сопротивления – исключать вообще литературно-художественное начало. И он будет прав: не публицистическое эссе пишется, а научное исследование. А как заметил в свое время все тот же Д.С. Лихачев, язык художественной литературы образен, но с точки зрения ученого неточен. «Наука требует однозначности, в художественном же языке первостепенное значение имеет обратное – многозначность»⁶¹. И таких работ, написанных исключительно строгим научным языком, много. Между тем их авторы забывают, что историк, являясь исследователем, все-таки становится в какой-то мере и писателем, ибо нет другой формы реализации научного продукта, полученного им, только как литературное его изложение. И невольно в данной связи вспоминается мысль, высказанная крупным отечественным историком Ю.А. Поляковым (1921-2012), который сам отличался в своем научном наследии блестящим колоритным литературным языком: «Выражения красочные, яркие, сравнения редки в наших трудах. Казенные слова, стертые фразы используются чаще. Для многих они служат кольчугой, защищающей от возможной критики. И заполнять ими страницы, куда легче и быстрее (подчеркнуто мною. – Г.И.)»⁶².

Прошу обратить внимание на подчеркнутые фразы. В них изложена та самая суть соблазна исследователя, о которой идет речь выше. Вот и получается, что ученый сделал большое дело – написал серьезный научный труд, но обрек себя на известность главным образом в узком кругу специалистов. А ведь именно исторические труды (причем не только научно-популярные) любят читать, по моему глубокому убеждению, не только те, кто входят в узкий круг специалистов. Но читатели, именуемые, к примеру, знатоками и любителями истории, не смогут дочитать до

конца произведение, написанное строгим научным языком. Если вообще за него возьмутся. А если и найдутся энтузиасты и дочитают до конца, то пользы извлекут для себя мало, ибо, как тонко подметил все тот же Ю.А. Поляков, умнейшие, правильные мысли, «выраженные избитыми, стандартными, общими, казенными фразами, – забываются тут же»⁶⁵.

Спрашивается, что делать? Искать эту трудную гармонию в процессе сочетания в архитектонике исторического исследования литературно-художественных фрагментов и сюжетов с фрагментами и сюжетами, выдержанными в строго научном стиле. И многие современные исследователи делают это. В качестве примера приведу фрагмент из монографии крупного современного отечественного ученого С.Н. Полторака, посвященной анализу исторической персоналии генерала А.И. Верховского (1886-1938). Анализируя историографию об исторической персоналии, которую исследует ученый, он осуждает менторский тон советского историка В.С. Васюкова, допускаемый им в его монографии в отношении А.И. Верховского⁶⁴. С.Н. Полторак пишет: «Автор научной монографии позволил себе, например, небрежную реплику типа: «Верховский наивно полагал...». И исследователь исторической персоналии А.И. Верховского делает очень тонкое ироничное замечание: «Представляется наивным полагать, что А.И. Верховский мог полагать наивно»⁶⁵. И далее С.Н. Полторак разъясняет свою ироничную фразу: «Первый выпускник Пажеского корпуса и Академии Генерального штаба, офицер, прошедший через две войны и получивший уникальный боевой опыт управления войсками, был эрудитом и многоопытным человеком. Пытаться уличить его в наивности – означает ничего не понимать ни в военном деле, ни в истории событий 1917 года»⁶⁶. Как видно, данная фраза – научная, с элементами публицистики, преломлённой сквозь дискуссию, и вполне легко читаемая. Даже не специалистами.

Но по своему опыту знаю, что, если автор попытается найти эту трудную гармонию в процессе сочетания в архитектонике исторического исследования литературно-художественных фрагментов и сюжетов с фрагментами и сюжетами, выдержанными в строго научном стиле, то его чаще будут критиковать, нежели хвалить. Например, рецензенты одной из моих монографий отмечали буквально следующее: «Иногда Г.М. Ипполитову изменяет чувство меры, и он перенасыщает отдельные фрагменты научного исследования публицистическими изысками. Конечно, стихи гигантов Серебряного века (М. Цветаева, М. Волошин) вносят оживление. Одновременно они, вместе с тем, нарушают архитектонику научного исследования»⁶⁷. Не стану комментировать своих рецензентов. Но замечу, что в данном критиче-

ском фрагменте есть ключевое слово – чувство меры. Его как раз и очень сложно найти. Это чувство меры всегда будет оставаться уязвимым для критики. Причем критики с ярко выраженными элементами субъективизма.

Мне представляется, что чувство меры будет соблюдено тогда, когда литературно-художественные фрагменты и сюжеты будут усиливать сущностное значение фрагментов и сюжетов, выдержанных в строго научном стиле. Например, такой отрывок: «Моральный облик тех, кто записался в добровольцы, был неоднозначен. Здесь подлость и благородство ходили в обнимку. Это при том, что далеко еще не все офицеры рискнули взвалить на себя тяжкий крест белого волонтерства. Но все же, несмотря на это, можно, не боясь преувеличений, сказать: в целом моральный дух армии высок. Это будет доказано всей ее боевой деятельностью в 1918 году. Офицеры мало что понимали в играх политиков, развернувшихся на подмостках политического театра тихого Дона. Они знали одно: предстоят тяжелые кровопролитные бои с противником, который их ненавидел лютой ненавистью и очень значительно превосходил в живой силе и технике. Той же монетой ненависти платили красным белые волонтеры... Начиналось время Кубанских походов...»⁶⁸. Подчеркнутые фразы как раз и выполняют, как мне представляется, роль усиления сущностного значения научных обобщений.

Непростым аспектом рассматриваемой проблемы является проблема образности языка историка. Той образности, что повышает уровень читабельности исторических исследований. Той образности, что обеспечивает (в значительной степени) для автора умение одинаково говорить с учеными и со школьниками. А это, по мнению знаменитого французского историка-антифашиста М. Блока (1886-1944), с которым, естественно, можно спорить, но в конечном итоге нельзя не согласиться, лучшая похвала для писателя⁶⁹. Историк для достижения соответствующего уровня образности языка необходимо, в частности, умение гибкого оперирования эпитетами, метафорами, гиперболами, сравнениями. Небезынтересное, хотя, конечно, и небесспорное, мнение в контексте изложенного выше высказала современный отечественный ученый-антиковед Н. Брагинская: «Если вы пишете чисто понятийно, то оно бы и ничего. Но если вы дышите полными легкими своего языка... Я не замечаю количества метафор в собственной научной речи, но, как выясняется, именно когда мне надо сказать новое и главное, я выражаюсь метафорически»⁷⁰.

Академик Д.С. Лихачев справедливо считал, что здесь многому можно научиться у В.О. Ключевского. Он писал в данной связи буквально следующее: «Великий мастер русского языка историк В.О. Ключевский умел не размазывать

свою мысль, давая ее иногда лишь намеком, прибегая к своего рода стилистическому лукавству, которое действовало иногда сильнее, чем самый яркий образ. Сравните его такие фразы: *В университете при Академии наук (речь идет о XVIII веке. – Д.Л.) лекций не читали, но студентов секли, или о времени Петра: Казнокрадство и взяточничество достигли размеров, небывалых прежде, разве только после...* О стихотворстве царя Алексея Михайловича он же пишет: *Сохранились несколько написанных им строк, которые могли казаться автору стихами»⁷¹.*

Да простит меня читатель за столь большую цитату, но, думается, что в дополнительных комментариях она не нуждается.

И надо сказать, что многие видные современные ученые-историки вняли совету маститого академика и учатся у В.О. Ключевского. В качестве примера приведу фрагменты работ опять же питерского профессора С.Н. Полторака. Ему вообще свойственно образное мышление, которое он успешно реализует в легко читаемых речевых конструкциях, помещенных внутрь научных работ. Вот примеры:

– «история Гражданской войны в России сейчас многими забыта. Поначалу, в 1920-1930-е годы, она была очень востребована. Сказывались потребности политического, идеологического характера. Молодая советская страна тогда походила на даму, только-только вступившую во второй брак: пыталась навсегда забыть «первый брак» – свою имперскую историю и старательно собирала свидетельства новой успешной жизни»⁷²;

– «...и в Красной армии, и в белой армии не обходилось без того, что наши современники называют «черным пиаром». Например, белогвардейские издания, особенно листовки, захлебывались от восторга, расхваливая бытовые условия жизни своих военнослужащих. В их прокламациях белая булка с толстым слоем масла нередко была призвана сыграть роль своеобразного тарана в сердца, а быть может в желудки, голодных красноармейцев»⁷³.

Поучительным можно считать и пример, взятый из научного творчества крупного современного отечественного военного историка В.А. Золотарева. Он свои размышления о значимости исторической науки облачил в красивую литературную форму: «История – одна из древнейших наук, осмысляющая прошлое во имя будущего. Вероятно, впрочем, что первоначально история возникла как образ мышления. Во всяком случае, человечество долго боролось с зыбучими песками фактов, прежде чем обнаружило, что в нагромождении его прошлого опыта присутствует некая путеводная нить»⁷⁴.

Как видно, современным исследователям (особенно начинающим) есть на кого сегодня

равняться. Благо, что сейчас нет, как в советские времена, жестокой цензуры. Той самой цензуры, по поводу влияния которой на литературный стиль советских историков отечественный ученый И. Биск приводит горькую шутку тех лет: «Телеграфный столб – хорошо отредактированная сосна»⁷⁵. В начале XXI века в России историку созданы прекрасные стартовые условия для оттачивания своего писательского (именно писательского) мастерства.

Между тем здесь снова перед исследователем встает в полный рост вопрос о понятии «чувство меры». Ведь история, даже при всем ее описательном характере, является все-таки точной наукой. Вымысел историка недопустим, ибо это не что иное, как насилие над правдой истории. А ведь еще древнегреческий историк Полибий (ок. 200 г. до н.э. – ок. 120 г. до н.э.) писал: «Правда должна господствовать над всем: как живое существо делается ненужным, если его лишат зрения, так и история (потеряв правдивость) превращается в бесполезное разглагольствование»⁷⁶. Вот почему историк, используя образную речь, должен исключать из нее неопределенность, расплывчатость, символичность, намеки. Здесь снова можно привести пример, почерпнутый из научного наследия академика Д.С. Лихачева. Он, ратуя за точность и однозначность научного языка (в том числе и исторического), полагал, что образность в нем должна быть умеренной, осмысленной и оправданной. Дмитрий Сергеевич Лихачев почитал приемлемым сравнение, употребленное пишущим о Новгороде крупным советским историком Б.Д. Грековым (1882-1953): «В воскресный день на Волхове больше парусов, чем телег на базаре...». Ведь здесь в контексте речь идет о торговле. В то же время Д.С. Лихачеву показался не совсем точным и удачным примененный В.О. Ключевским образ занесенной над Русью кривой половецкой сабли. Академик посчитал, что этот образ становится «совершенно невозможным от его повторения, хотя бы и варьированного»⁷⁷.

Особую же осторожность следует соблюдать историку в образности своего языка при освещении эмоциональных аспектов рассматриваемой проблемы, когда он хочет выразить свое несогласие с чем-либо, с кем-либо. «Крепкие слова не могут быть сильными доказательствами»⁷⁸, – считал В.О. Ключевский. Вряд ли здесь что-нибудь еще можно добавить.

Необходимо подчеркнуть то, что нет готового ответа на вопрос о том, насколько допустима образность в историческом труде. Здесь каждый ученый должен определяться сам, ориентируясь, однако, на то, что он хочет сотворить – исторический роман (и тогда образность не дозирована) или историческое исследование (и тогда изложение в первую очередь подчиняется правдивости). Где здесь «демаркационная линия»? Этот вопрос

задал еще в конце XIX века Е.В. Тарле⁷⁹, который и сам, кстати, являлся блестящим мастером написания научных исторических текстов красивым литературным русским языком⁸⁰. И сегодня мы также думаем об этом. А когда думаем, то на ум приходит максима видного французского писателя А. Моруа (1885-1967): «Стиль, это – душа, это – победа личности над природой»⁸¹.

Размышляя о языке исторических исследований, нельзя обойти вниманием еще одну проблему. Доподлинно установлено, что в развитии языка прослеживаются две тенденции: к сохранению – и к изменениям в лексике, произношении, написании. Более или менее крутым изменениям язык подвергался в переломные эпохи (например, русский язык в Петровскую пору, эпоху Пушкина – Карамзина, в Советском государстве, особенно в первые годы его существования). И здесь историку необходима гибкая ориентация. Нельзя с позиции махрового консерватизма буквально бравировать в историческом исследовании неологизмами, рожденными, к примеру, эпохой революции и Гражданской войны, – «полундра» (берегись) или «буза» (ерунда), «контрик» (представитель лагеря контрреволюции). Но в то же время исследователь просто обязан быть в курсе небольших языковых переворотов, которые всегда имеют место во время жизни того или иного ученого. И следует придерживаться здесь «правил игры», устанавливаемых по ходу развития великого и могучего русского языка. Иначе у историка появятся реальные шансы оказаться, говоря словами выдающегося отечественного писателя К.И. Чуковского (1882-1969), в «низменной, отсталой и вульгарной среде»⁸².

Й. Рюзен, известный немецкий специалист по теории и истории исторической науки, считает, что история – это гораздо больше, чем только само исследование прошлого, это существенный фактор культурной жизни в целом, поскольку человечество нуждается в ориентации во времени, которую мы реализуем, вспоминая прошлое⁸³. Вряд ли кто сможет это опровергнуть. И чтобы человечество, нуждающееся «в ориентации во времени, которую мы реализуем, вспоминая прошлое», не сбилось с пути, служители муз Клио призваны в том числе самым тщательным образом шлифовать язык исторических исследований. Пределов совершенствования здесь нет. Главное – пройти без потерь между Сциллой (серость) и Харибдой (непонятность). Но задача это не так проста, как может показаться в первом приближении. Поэтому сохраняют полезность старые шутки-рекомендации: «Или вы пишете лучше, или лучше не пишете» и «Лучше ничего не сказать, чем сказать ничего».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С.19.

² Лихачев Д.С. Записки и наблюдения: Из записных

книжек разных лет. Л., 1989. С.144.

³ Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С.35-220; Гулыга А.В. Эстетика истории. М., 1974; *Его же*. Искусство истории. М., 1980; *Копосов Н.Е.* Как думают историки? М., 2001; *Его же*. Основные исторические понятия и термины базового уровня: к семантике социальных категорий // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т.1. №4; *Лантева М.П.* Язык историка и проблема понимания // Фигуры истории, или «общие места» историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2005. С.66-71; *Кукарцева М.А.* Начало лингвистического поворота в историописании // *Monstera* №4. Философские проблемы социально-гуманитарного знания. М., 2004. С.55-59; *Барт Р.* Дискурс истории // *Барт Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С.427-441; История понятий, история дискурса, история менталитета. Сб. ст. под ред. Х.Э. Бедкера. Пер. с нем. М., 2010; *Анкерсмит Ф.Р.* Нарративная логика: семантический анализ языка историков. М., 2003.

⁴ *Нехаева И.Н.* Язык историка как условие применения дисконтрактного метода к реальности // Вест. Томск. гос. ун-та, 2011. Вып. №349.

⁵ *Миньяр-Белоручева А.П.* Язык историка. М.: МГУ, 2001. С.31-52; 264-79; *Мерридейл К.* Язык, патронаж и создание исторической парадигмы // Вестник Евразии. 1998. №1-2; *Андросенко В.П.* Цитата как элемент сообщения и как фактор эстетического воздействия. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988.

⁶ *Пронштейн А.П.* История и лингвистика / А.П. Пронштейн, О.В. Коваленко, Л.А. Введенская. Ростов н./Д, 1970; *Нечкина М.В.* Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982; *Поляков Ю.А.* О литературном мастерстве историка // Новая и новейшая история. 1986. №4; *Смоленский Н.И.* Понятие и слово в языке историка // Там же. 1992. №2; *Биск И.Я.* Введение в писательское мастерство историка: Литературная форма исторического труда. Иваново, 1996; *Вжозек В.* Историография как игра метафор: судьбы «новой исторической науки» // Одиссей. М., 1991; *Троицкий Ю.Л.* Историографическое письмо как дискурсивная практика / Ю.Л. Троицкий, Ю.В. Шатин // Дискурс. 1997. №5-6; *Его же*. Что такое «правда Истории»? Самопорождение смысла в историографическом тексте // Общественные науки и современность. 2010. №1. С.105-113.

⁷ Особенности стиля научного изложения. М., 1976; Жанры информационной литературы: Обзор. Реферат. М., 1983; Научная литература: Язык, стиль, жанры. М., 1985; *Шурыгина И.Л.* Жанры научной литературы. М., 1986; *Демидова А.К.* Пособие по русскому языку. Научный стиль. Оформление научной работы. М., 1991; *Копосов Н.* (при участии Бессмертной О.). Юрий Львович Бессмертный и «новая историческая наука» в России // *Homo historicus*. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. М., 2003. Кн.1. С.122-160; *Полторац С.Н.* О некоторых особенностях современного языка двух российских столиц // Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Башгосуниверситета (г. Уфа, 23 апреля 2009 г.). Уфа, 2009.

⁸ *Репина Л.П.* История исторического знания: Пособие для вузов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамо-

- нова. М., 2004; Биск И.А. Методология истории. Курс лекций. Иваново, 2007; Смоленский Н.И. Теория и методология истории: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. 4-е изд., испр. М., 2012; Ипполитов Г.М. Введение в теорию и методологию исторической науки. Учебное пособие. Самара, 2009; Его же. Наука истории: методология и методы научного исследования. Краткие конспекты лекций. 2-е изд., перераб., испр. Самара, 2014.
- ⁹ История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий: Материалы междунар. конф. (2-5 февраля 2000 года). Петрозаводск, 2000; Историческое знание и интеллектуальная культура: Материалы науч. конф. Москва, 4-6 декабря 2001 г. М., 2001; Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований. М., 2004.
- ¹⁰ О важности методологии науки хорошо сказал, к примеру, в свое время ученый и кораблестроитель, академик А.Н. Крылов (1863-1945). По его разумению, методология «для корабля науки – это одновременно компас и штурвал, он указывает направление и способы действия» (цит. по: Архангельский С.И. Учебный процесс в высшей школе. М., 1980. С.248).
- ¹¹ Автор статьи преподает его на историческом факультете Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г.Самара. – Г.И.
- ¹² Из соображений элементарной научной этики не называются ни фамилия соискателя, ни тема кандидатской диссертации. Тем более что диссертант после критики подобную абракадабру исправил. – Г.И.
- ¹³ Новая философская энциклопедия. Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2000-2001; 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://iph.ras.ru/enc.htm> – Загл. с экрана. Дата обращения 20.02.2014.
- ¹⁴ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Собр. соч.: В 5 т. М., 1992. Т.1. С.81.
- ¹⁵ Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М., 1992. С.192.
- ¹⁶ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 2006. С.112-113.
- ¹⁷ Гердер И.Г. Идеи философии и истории человечества. М., 1977. С.236.
- ¹⁸ Функциональный стиль – 1. Дифференцируемый (выделяемый) в соответствии с функцией языка в той или иной сфере, ситуации и теме общения, сообщения и воздействия. 2. Языковая подсистема, обладающая своими фонетическими, лексическими и грамматическими характеристиками и обслуживающая определенную сферу общения (Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М., 2003 // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://perevodovedcheskiy.academic.ru> – Загл. с экрана. Дата обращения: 15.05.2014.
- ¹⁹ Особенности языка научной литературы. М., 1965; Котурова М.П. Стилистика научной речи. М., 2010; Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. 2003. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://perevodovedcheskiy.academic.ru> – Загл. с экрана. Дата обращения: 15.05.2014.
- ²⁰ Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М., 1999. С.162.
- ²¹ Цит. по: Функциональный стиль общенаучного языка и методы его исследования / Под ред. О.С. Ахмановой и М.М. Глушко. М., 1974. С.137.
- ²² Копосов Н.Е. Как думают историки? С.17-18.
- ²³ Гулыга А.В. Эстетика истории. С.43-44.
- ²⁴ К. Маркс – Ф. Энгельсу, 13 февр. 1866 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.31. С.150. Думается, что выглядит актуальной сегодня и мысль, сформулированная в свое время французским ученым, одним из основателей романтического направления во французской историографии Огюстеном Тьерри (1795-1856). Он сказал, что забота о форме и стиле исторического сочинения «нужна не меньше, чем изучение и критика фактов» (цит. по: Ремизов Б.Г. Французская романтическая историография (1815-1830). Л., 1956. С.115-116). Кстати, сам О. Тьерри отличался в своих исторических трудах отточенным литературным мастерством. Например, в «Истории завоевания Англии» он писал: «Одни пели под звон кельтских арф, ожидая возвращения короля Артура; другие плыли по бурному морю с тою же беспечностью, с какою лебеди плещутся на озере; третьи в опьянении победы собирали груды добычи, отнятой у побежденных, измеряя веревкою землю, чтобы разделить ее между собою, считая и пересчитывая семьи поголовно, как скот; наконец, те, которых одно поражение сразу лишило всего, ради чего стоит жить, покорно смотрели, как чужеземец садится хозяином у их собственного очага, или, в неистовстве отчаяния, бежали в леса и жили там, как живут волки, разбойничая, убивая, но оставаясь свободными» (цит. по: Ремизов Б.Г. Указ. соч. С.107-108). Надо полагать, что у русского философа-утописта, революционера-демократа, ученого, литературного критика, публициста и писателя Н.Г. Чернышевского (1828-1889) имелись основания называть О. Тьерри «гениальным писателем» (Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т.3. М., 1947. С.737).
- ²⁵ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Пер. и коммент. Ю.А. Асеева. М., 1980. С.216.
- ²⁶ Там же. С.10.
- ²⁷ Ахматова А. Тайны ремесла. М., 1986. С.104.
- ²⁸ Паустовский К.Г. Кара-Бугаз // Собр. соч.: В 8 т. М., 1967. Т.1. С.452.
- ²⁹ Небезынтересное (хотя, разумеется, и небесспорное) замечание сделано в данной связи современным ученым А.Н. Нечухриным: «Рядовой читатель скорее простит недостатки научной доказательности, чем отсутствие литературного обаяния. Неслучайно большинство великих работ обладает литературной ценностью» (цит. по: Методологические проблемы истории. Мн., 2006. С.233).
- ³⁰ Карамзин Н. История государства Российского. Полное издание в одном томе. М., 2011; Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. М., 1986-1896; Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1987; Его же. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968; Его же. Афоризмы и мысли об истории: Афоризмы. Исторические портреты и очерки. Дневники. М., 2007.
- ³¹ Биск И.А. Методология истории. Курс лекций... С.204.
- ³² Смоленский Н.И. Понятие и слово в языке историка... С.10; Бобкова М.С. Терминологический инструментарий исторической науки: к постановке проблемы // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. №13 (84). Вып.15.

- ³⁵ *Rathenau W.* Briefe. Dresden, 1926. Bd.2. S.8.
- ³⁴ *Ренар Ж.* Дневник. М., 1965. С.92.
- ³⁵ *Маколей Т.Б.* Галлам Маколей Т.Б. Полн. собр. соч. Т.1. Критические и исторические опыты. 2-е исправл. изд. / Под общ. ред. Н. Тиблена и Г. Думшина. СПб., 1865. С.11.
- ³⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.40. С.49.
- ³⁷ *Пронштейн А.П.* История и лингвистика...; *Нечкина М.В.* Функция художественного образа в историческом процессе...; *Поляков Ю.А.* О литературном мастерстве историка...; *Смоленский Н.И.* Понятие и слово в языке историка...; *Биск И. Я.* Введение в писательское мастерство историка: Литературная форма исторического труда...; *Вжозек В.* Историография как игра метафор: судьбы «новой исторической науки»...; *Турока В.М.* Историк и читатель // Литературная газета. 1961. 4 февр.; *Тош Д.* Стремление к истине: Как овладеть ремеслом историка: Пер. с англ. М., 2000.
- ³⁸ *Биск И.А.* Методология истории. Курс лекций... С.104.
- ³⁹ Это не прошло незамеченным в современной историографии (*Лантева М.П.* Указ. соч. С.69).
- ⁴⁰ *Вейнберг И.П.* Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э. М., 1993. С.9.
- ⁴¹ *Берк П.* «Новая история», ее прошлое и будущее // Альманах всеобщей истории XVI-XX вв. Екатеринбург, 2004. С.90.
- ⁴² *Лихачев Д.С.* Записки и наблюдения: Из записных книжек разных лет... С.415.
- ⁴³ *Берк П.* «Новая история», ее прошлое и будущее // Альманах всеобщей истории XVI-XX вв. Екатеринбург, 2004; *Кузеванов Л.И.* Методология исторического познания. Академизм и постмодернизм. Моногр. М., 2012; *Медведев А.П.* «Постмодернистский вызов» истории: ответ археологии // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2007. №1. С.41-51; *Кусаинов А.А.* Историческая наука в эпоху постмодерна // Вестник ВолГУ. Сер.4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. №1. С.121-124.
- ⁴⁴ *Фелюшкин А.* Постмодернистский вызов» и его влияние на современную теорию исторической науки // Топос. Философско-культурологический журнал. 2000. №3. С.67.
- ⁴⁵ *Репина Л.П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. 1996. М., 1996. С.26-27.
- ⁴⁶ *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М., 2003. С.216.
- ⁴⁷ *Анкерсмит Ф.* Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С.125.
- ⁴⁸ *Анкерсмит Ф.Р.* Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С.152.
- ⁴⁹ *Патрушев А.И.* Некоторые тенденции в развитии западной исторической науки на пороге XX века // Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки / Под ред. И. П. Дементьева, А.И. Патрушева. М., 2000. С.410-411.
- ⁵⁰ *Померанц Г.* Авангардизм, модернизм, постмодернизм // Опыты: литературно-художественный, научно-образовательный журнал. 2000. №3. С.113.
- ⁵¹ *Зверева Г.И.* Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. 1996. М., 1996. С.127-142; *Ее же.* Историческое знание в контексте культуры конца XX века: Проблема преодоления власти модернистской парадигмы // Гуманитарные науки и новые информационные технологии. М., 1994. Вып.2. С.229-232; *Жигунин В.Д.* Современные тенденции в историографии (к вопросу о постмодернизме) // Итоговая науч. конф. Казанского гос. ун-та за 1997 год. URL: <http://www.ksu.ru>. – Загл. с экрана. Дата обращения: 06.06.2014; *Кравцов В.Н.* Российская историография постмодернизма // Россия в новое время: единство и многообразие ист. развития: материалы Российской межвуз. науч. конф. М., 2000. С.64-99; *Филюшкин А.И.* Смертельные судороги или родовые муки? Споры о конце исторической науки в начале XXI в. // Россия XXI. 2002. №4; *Сахаров А.Н.* О новых подходах к истории России // Вопросы истории. 2002. №8. С.3-6.
- ⁵² *Юдельсон А.В.* Реферат: The Postmodern History Reader I Ed. by K. Jenkins. London; New York.: Rutledge – 1998 // Образы историографии. М., 2001. С.314; *Его же.* Образ исторической науки в современной отечественной историографии: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- ⁵³ *Зверева Г.И.* Историческое знание в контексте культуры конца XX века: Проблема преодоления власти модернистской парадигмы... С.11.
- ⁵⁴ *Гулыга А.* Искусство истории... С.159.
- ⁵⁵ *Miskiewicz B.* Wstep do badan historycznych. Warszawa; Posnan, 1985. S.158.
- ⁵⁶ Положение о присуждении ученых степеней. Утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. №842.
- ⁵⁷ К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной исторической мысли. Томск, 1994; Диалог со временем: историки в меняющемся мире / Под ред. Л.П. Репиной. М., 1996; История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005; Исторические персоналии: мотивация и мотивировки поступков. Материалы Всероссийской научной конференции. 16-17 декабря 2002 г. Санкт-Петербург/ Под ред. С.Н. Полторака. СПб., 2006; *Ипполитов Г.М.* О некоторых особенностях исследования исторических персоналий в зеркале исторической психологии // Методология и методы исторической психологии. Материалы XXV Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 14-15 дек. 2009 г./ Под ред. С.Н. Полторака. СПб., 2009; *Ипполитов Г.М.* Как трудно избежать соблазна биографию писать, или Размышления о некоторых теоретико-методологических основах исследования исторических персоналий // Клио. Журн. для ученых. 2011. №6. С.143-149; *Shore M.F.* Biography in the 1980s. A Psychoanalytic Perspective // Journal of Interdisciplinary History. 1981. V.XII. №1; *Lovejoy A.O.* The Great Chain of Being. A Study of the History of an Idea. Cambridge (Mass.), 1936; *Treibitsch M.* Le Groupe de Recherche sur l'Histoire des Intellectuels // Intellectual News. 1997. №2. P.55-59.
- ⁵⁸ *Биск И.А.* Методология истории. Курс лекций... С.209.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ *Лихачев Д.С.* Записки и наблюдения: Из записных книжек разных лет... С.414.
- ⁶¹ *Лихачев Д.С.* Письма о добром и прекрасном. Изд. 3-е. М., 1989. Большая универсальная электронная библиотека. [Электронный ресурс] URL: http://www.many-books.org/auth/14699/book/100198/lihachev_

- dmitriy_sergeevich/pisma_o_dobrom_i_prekrasnom/read/23 – Загл. с экрана. Дата обращения 2.11.2014.
- ⁶² Поляков Ю. Историзмы (мысли и суждения историка). М., 2001. С.3.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Васюков В.И. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966. С.463-475.
- ⁶⁵ Полторак С.Н. Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. Памяти профессора В.И. Старцева. СПб., 2014. С.6.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Воронов В.Н., Махров А.М. «Красные орлы» против «рыцарей белой мечты»: удачный компаративный анализ сложного духовного образования. Заметки на полях монографии Г.М. Ипполитова [Ипполитов Г.М. «Красные орлы» против «рыцарей белой мечты»: духовная сеча. Моральный дух комбатантов в российской Гражданской войне (ноябрь 1917-1920 гг.): опыт компаративного анализа. Самара: Изд-во СИЦ РАН, 2005. 418с.] // Известия Самарского науч. центра Российской академии наук. Самара, 2008. Т.10. №4. Окт.-дек. С.294.
- ⁶⁸ Ипполитов Г.М., Казаков В.Г., Рыбников В.В. Белые волонтеры. Добровольческая армия: зарождение, расцвет и первые шаги к закату (1917 – февраль 1919 гг.). М., 2003. С.224-225.
- ⁶⁹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1977. С.7.
- ⁷⁰ Язык науки. Беседа с доктором исторических наук, руководителем Научно-учебного центра антиковедения ИВКА РГГУ Ниной Брагинской. Ч.1. ПОЛИТ. РУ. [Электронный ресурс] URL: <http://polit.ru/article/2010/02/10/science/> – Загл. с экрана. Дата обращения: 14.06.2014.
- ⁷¹ Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. Изд. 3-е. М., 1989. Большая универсальная электронная библиотека. URL: http://www.many-books.org/auth/14699/book/100198/lihachev_dmitriy_sergeevich/pisma_o_dobrom_i_prekrasnom/read/23 – Загл. с экрана. Дата обращения 2.11.2014.
- ⁷² Полторак С.Н. Гражданская война как повод к размышлению (вместо послесловия) // Ипполитов Г.М. Летопись братоубийства (Очерки советской историографии Гражданской войны на юге России. 1918-1985 гг.) / Г.М. Ипполитов; Послесловие С.Н. Полторака. Самара: АС Гард, 2009. С.485.
- ⁷³ Полторак С.Н. «Свои» против «своих»: трагедия братоубийства // Ипполитов Г.М. «Красные орлы» против «рыцарей белой мечты»: духовная сеча. Моральный дух комбатантов в российской Гражданской войне (ноябрь 1917 – декабрь 1920 гг.): опыт компаративного анализа. Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2005. С.5.
- ⁷⁴ Золотарев В.А. Военно-историческая наука и фальсификация минувшего // Мир и политика. 2012. №9. [Электронный ресурс] URL: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/m9-2012/16510-voenno-istoricheskaya-nauka-i-falsifikacii-minuvshego.html> – Загл. с экрана. Дата обращения 22.11.2014.
- ⁷⁵ Биск И.А. Методология истории. Курс лекций... С.209. Кстати, выше приведен пример того, как образными средствами четко обозначена суть проблемы. – Г.И.
- ⁷⁶ Цит. по: Немировский А.И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979. С.136. Что характерно: осторожное отношение к правде истории свойственно и некоторым непрофессиональным историкам. Например, один из прославленной плеяды командующих нашими армиями в годы Великой Отечественной войны генерал П.И. Батов писал в своих мемуарах буквально следующее: «Историю не следует подправлять, иначе у нее нечему будет учиться» (Батов П.И. В походах и боях. М., 1962. С.84).
- ⁷⁷ Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном Изд. 3-е. М., 1989. Большая универсальная электронная библиотека. URL: http://www.many-books.org/auth/14699/book/100198/lihachev_dmitriy_sergeevich/pisma_o_dobrom_i_prekrasnom/read/23 – Загл. с экрана. Дата обращения 2.11.2014.
- ⁷⁸ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1987. С.386.
- ⁷⁹ Тарле Е.В. Дело Бабефа // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981. С.29.
- ⁸⁰ Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1941.
- ⁸¹ Моруа А. Надежды и воспоминания. М., 1983. С.41.
- ⁸² Чуковский К.И. Живой как жизнь. М., 1982. С.55.
- ⁸³ Rüsen J. Histori. Narration – Interpretation – Orientation. New York – Oxford, 2005. P.1.

ONCE MORE ON THE LANGUAGE OF HISTORICAL STUDY

© 2015 G.M. Ippolitov

Volga Branch of Institute of the Russian History of the RAS, Samara

The article represents an original view of some methodological aspects of the problem of discourse of historical studies. This problem has been attracting attention of many philosophers, historians, philologists and specialists in cultural studies, and it still has a high research potential.

Keywords: phenomenon of language, history, literature, discourse of historian, text, lexicon of a historian, N.M. Karamzin, V.S. Soloviev, V.O. Kliuchevsky, S.N. Poltorak, V.A. Zolotariov

Georgiy Ippolitov, Doctor of History, Professor, Leading Researcher, Professor of the Department of Philosophy of Volga State University of Telecommunications and Informatics, Samara. E-mail: gippolitov@rambler.ru